

Николай Хрипков

Где ты я

Рассказ

16+

Николай Иванович Хрипков

Где ты я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67608827

SelfPub; 2022

Аннотация

Ученый изобрел способ создания клонов. И вот герой совершает преступление, но наказание отбывает его клон. После освобождения происходит их встреча.

Николай Хрипков

Где ты я

РАССКАЗ

Какой же был прекрасный день! Меня назначили заместителем заведующего лаборатории. Это раз! Я решительно объяснился с Тасей и предложил ей руку и сердце. И она всё это благосклонно приняла. Это два! И, любезные господа! Жизнь – вообще расчудесная штука! Поглядите только на эти деревья, на ветках которых Дед Мороз разложил свои холодные подушки; вслушайтесь в этот снежный хруст под ногами, как будто вы ступаете по свежим огурцам! А воздух! А небо! А как милы и забавны окружающие нас люди!

– Извините! У вас не найдется закурить?

Дорогу мне преградил молодой коренастый крепыш. Но какая обезоруживающая улыбка!

– Конечно же, найдется! Непременно найдется!

Я стал охлопывать себя по карманам. Куда же я положил эти дурацкие сигареты? Вечно я их толкаю в разные карманы, и каждый раз мне приходится их отыскивать. Вот они! Я стал расстегивать куртку. И в этот момент кто-то сзади крепко схватил меня за руки и вывернул их за спину. И тут же я почувствовал, как на моих запястьях щелкнули наручни-

ки. Это не бандиты! Те бы просто шарахнули меня по башке бейсбольной битой.

– Вы арестованы, гражданин Попковский!

Если они назвали меня по фамилии, значит, это не случайный арест.

– А не будете ли вы столь любезны и не скажите, за что меня арестовали?

Меня бесцеремонно запихнули в милицейский уазик на почетное заднее место.

С двух сторон меня плотно зажали. Сидеть было неудобно. Каждый скачок машины причинял боль.

– Умоляю! Снимите наручники! Я никуда не убегу!– попросил я.

И тут же заработал тычок в живот, от которого у меня в глазах потемнело, и больше уже не возникало желания о чем-либо просить этих сумрачных товарищей. Меня доставили в мрачное здание, где обшарили с ног до головы и запихнули в камеру, где на нарах уже отдыхал какой-то дядечка. Он лежал лицом к стене и мирно посапывал. «Ко всему привыкает человек-подлец!» – как писал один классик, тоже изведавший прелести тюремной жизни. У зарешеченного окна сидел еще один жилец камеры. Он обернулся и спросил меня:

– За что, братело?

Что мне было ответить?

– Сам не знаю. Ни в зуб ногой!

– Да как же не знаешь?

– А вот так! Попросили закурить. И всё! Повязали, как кутенка. Привезли сюда. И ничего не объяснили.

– Козлы!– произнес мой товарищ по несчастью.

После чего он до глубокой ночи рассказывал мне про милицейский беспредел. Не скажу, что после его рассказов мое настроение улучшилось. Сказать, что я был напуган, значит, ничего не сказать. И поэтому, когда утром отворили калитку и крикнули: «Поповский! На выход!», я самым бессовестным образом струхнул, представив, как сейчас меня будут избивать и пытаться.

Но никто меня не бил, не пинал и не посыпал мои свежие раны солью. К немалому моему удивлению допрашивала меня молоденькая симпатичная женщина, которой я всё порывался сказать комплимент и спросить: «Что она делает вечером?»

– Ну, рассказывайте, гражданин Поповский, как совершили свое преступление! Врать не советую!

– Прошу прощения за беспокойство, которое я вам доставил, но никакого преступления я не совершал. А потому и не знаю, что мне вам рассказать.

– Так-то и не знаете?

– Совершенно!

– А знаете ли вы, гражданин Поповский, что чистосердечное признание облегчит вашу вину? На суде зачтется.

Мне стало искренне жаль эту симпатичную женщину и захотелось помочь ей. Но чем я ей мог помочь, если я ничего

не знал. И почему я не совершил вчера никакого правонарушения? Ох! Растяпа он и есть растяпа!

– Вот поэтому, гражданин следовательно, я чистосердечно признаюсь, что никакого преступления не совершал. Сожалею! Но того, чего не было, не вернешь.

– Хм! Может быть, вы еще и будете отрицать, что вчера не заходили в салон игровых автоматов «Стань мультимиллиардером», что на улице Романа Абрамовича?

– Совершенно верно изволили заметить! Конечно же, буду отрицать, потому что я никогда не бывал ни в каких салонах игровых автоматов и даже не знаю, с какой стороны туда открывается дверь. Разумеется, это большое опущение в моей жизни...

– Ах! Вон вы как!

Следовательница поднялась, подошла к телевизору и ткнула кнопку.

– Мы будем смотреть «Следствие ведут знатоки» или «Опера. Убойный отдел»? – пошутил я и, как всегда, неудачно. Мне стало стыдно.

– Угу! Будем! Только очень внимательно смотрите, гражданин Поповский. Надеюсь, исполнителя главной роли вы узнаете сразу.

Ух ты, елки-палки! А на экране-то был я! Оказывается, в этом самом салоне «Стань мультимиллиардером» я был завсегдаем. Как много мы еще не знаем о себе! Ты смотри! Меня здесь узнают, здороваются за ручку. Девушка в ми-

ни-юбочке подходит ко мне с подноси́ком. А на подноси́ке длинная такая стопочка на ножке. Взял, хлопнул, крякнул. Интересно, что же такое я выпил? Мартини? Коньяк? Амаре́ти?

– Узнаете себя, гражданин Поповский? Или заявите, что это не вы?

Я узнал себя. Одежонка вот только на мне была не моя. И честно говоря, всё-таки это был не я. Но если бы я рассказал правду, то не парился бы сейчас на нарах, а отдыхал бы в одной из палат психбольницы, откуда бы вышел через несколько лет полным идиотом. Нет уж! Не дай мне Бог сойти с ума! Уж лучше посох и тюрьма! Извиняйте! Я уж лучше проведу несколько лет на свежем воздухе в компании с интересными людьми с неординарными биографиями. Помогите, общение с ними даст больше, чем общение с наполеонами и александрами македонскими.

– Вы уж извините, гражданин следователь, но не могли бы вы мне напомнить, что же я такого натворил? У меня что-то с памятью, знаете.

– Дурака-то не включайте, гражданин Поповский!

На счет дурака, конечно, верно. Но я ведь тоже не лишен простого человеческого любопытства. А ведь речь идет как никак о нескольких годах моей жизни.

– Ну, ладно, Поповский! Скажу! Вы обвиняетесь в том, что раскрыли код одного из игровых автоматов. В результате чего преступным образом присвоили один миллион рублей

пятнадцать копеек. Ну! Что вы скажите?

– Пардон! Сколько, вы сказали, копеек?

– Пятнадцать копеек, Поповский!

– Забавно! А что же можно в наше время купить на пятнадцать копеек? Вот незадача!

– Не надо! Не паясничайте, Поповский! Вы будете признаваться или нет?

Как ни признаться такой милой женщине? Но в чем я ей мог признаться? В чем? В том, что в один прекрасный день мне позвонил Толя Лебядкин? Еще и его впутать в это дело? Мы вместе с ним учились в университете, жили в одной комнате и делили вместе и камень науки, и горбушку хлеба. Теперь же встречались нечасто. В последний раз выпивали недели две назад. Встречаться и выпивать – это два действия, неразрывно связанные между собой. Хорошо мы тогда посидели! Толик всё что-то нес о своем изобретении. Он помешан на изобретениях.

Я в этих вещах не слишком-то разбираюсь. Да и не помню многого. Запомнил только что скальпелем он быстро и совершенно безболезненно где-то срезал у меня часть кожи. Самую чуточку! Я даже не помню, в каком месте.

Была пятница, когда он позвонил мне в очередной раз. Сначала побалагурил, а потом предложил законтачиться. Я страшно вымотался на работе и подумал: а почему бы не расслабиться. По дороге с работы я загрузился в гастрономе и к Толику. Обитает Толик на третьем этаже, это очень удоб-

но для визитеров, потому что не надо ждать лифта, которого никогда не дождешься, когда он нужен.

Прыг-скок-перескок! И ты на месте! Дзынь-дзынь! Хозяин! Толик-алкоголик! Открывай быстрее! Сезам открылся.

– Заходи!

Но я не мог сделать и шага. Первым моим побуждением было бежать прочь. Я был охвачен ужасом, остолбенел, застыл, как соляной столб. На меня смотрел я. Да! Да! Только одежда на мне была не моя. Одежда была Толика.

– Ты чего встал!

Я прошептал (голос куда-то исчез):

– Ну, ты даешь, Толян! Ну, ты артист! Надо же так загри-мироваться! Я даже напугался сначала. Убежать хотел.

– Да проходи же ты! Пройди! Чего стоишь-то, как статуя?

Толик стал выкладывать на кухне продукты и бутылки из моего пакета и при этом безудержно болтал. Я же безучастно сидел в сторонке.

– Ты ошибаешься! Никакой это не грим! Неужели ты забыл, о чем я тебе рассказывал в последний раз? Забыл? Признавайся!

– Забыл! Как-то так всё смутно!

– Ну, ты даешь! Это же ведь открытие века! Да чего там века! Нашего-то века всего пять лет с хвостиком. Бери ширше и копай глубже! Нобель обеспечен! И слава на века! Так сказать, гений всех времен и народов!

– Ты серьезно?

– А то! Ну, я же тебе говорил! Неужели не помнишь? Всё-таки я сделал это! Берешь клетку у одного человека и внедряешь ее другому. Клетка несет весь набор информации о человеке. Нужно только знать, какая это клетка. И адресат – это тот, которому я клетку внедрил – перевоплощается в другого человека, в донора, у которого я брал клетку. Врубается? Ты хоть понимаешь, о чем я тебе говорю.

– Понимаю, – пробормотал я. – Так ты хочешь сказать, что ты...

– А чего тут говорить! – хохотнул Толик. Или это не Толик, а Я? Или какой-то Я-Толик?

Всё смешалось в доме Облонских, то есть в моей голове.

– Что тут говорить, дружище? Что говорить? Всё. Что нужно, уже сказано. Ты же своими глазами видишь, что результат перед тобой. Вот он Я-Ты!

– Так значит ты для этого скальпелем тогда? Срезал у меня что-то.

– Для этого! Именно для этого! А для чего же еще? А ведь хорошо получилось! С первого же раза и всё получилось!

– Так это что же, – спросил я. – Теперь ты всегда будешь мною. Теперь ты – это я? Теперь меня двое?

– Зачем мне это нужно?

На его лице была презрительная гримаса.

– Мне что больше делать нечего? Я это только для проверки. Должен же я был убедиться! Теория теорией, а нужно убедиться, эксперимент нужен. И я, как подлинный герой

науки, решил для эксперимента использовать собственное тело. А так чего бы я был тобой? Экая драгоценность! Я буду собой и только собой, Анатолией Лебедкиным, лауреатом Нобелевской премии, гением всех времен и народов! Ты пафос чувствуешь? А ты что? У тебя же и рожа не ахтец! А я симпатичный. Не Аллен Делон, конечно, но симпатии противоположному полу внушаю. Девушки меня любят.

Выпили мы с ним за это дело. Не каждый же день делаются гениальные открытия! Потом еще раз, потом еще и еще. Я уже и со счета сбился.

– Ты только подумай! – кричал Толик. – Какие это возможности открывает! Безграничные! Эх, взять бы клетки у Буша или у Чубайса Анатолия Борисыча! Прикинь! Перспективы какие! А представляешь, каких дел можно наворотить! Властелин мира и рядом не валялся!

– Ты бы, Толик, не очень-то!

Я погрозил ему пальцем. Толик хохотнул.

– Не очень, Толик! Нехорошо всё это! Ох, чует мое сердце!

– Или, допустим, Аллы Пугачевой! Прикинь, дружбан! Приезжаю куда-нибудь Я-Алла Пугачева. И голос, и всё-всё-всё один к одному! Кругом поклонники, цветы! А деньги какие! Лопаты еще такой не придумали! Ну, теперь, корифан, заживем! Теперь крутнем динаму! Пыль столбом!

К концу нашей встречи я уже не очень крепко держался на ногах, но всё же, прощаясь, взял с него слово, что он

не будет эксплуатировать мой облик, что завтра-послезавтра пусть себе другой облик делает. А то мне от одной мысли о двойнике жутко становится. К тому же я не Анатолий Борисыч и не Алла Пугачева, многого с моей образиной не сделаешь.

– Да на кой ты мне сдался! – орал Толик уже на лестничной площадке.

С тем мы и расстались. Это была моя последняя встреча с ним, вот такая необычная.

Сейчас я нахожусь в далекой республике Коми. Рукой махнуть до полярного круга. Местность тут хорошая. Правда, зимой холодновато. А летом гнуса! Не продохнешь! Срок мой уже подходит к концу. Но я со страхом ожидаю своего освобождения, которого может и не быть. Нет-нет! Режима я не нарушаю. Но представляете! Выхожу я с чистой совестью за высокий забор с колючкой. Лепота! А тут добрые молодцы берут меня под белые ручки и снова защелкивают на них браслеты.

– Гражданин Попковский! Вы обвиняетесь в ограблении Пенсионного банка.

И вот тут попробуй докажи, что ты не верблюд, что в то время, когда ограбили банк ты кувалдой забивал костыли на железной дороге Воркута – Салехард. Или все-таки рассказать о гениальном открытии Толика Лебядкина?